

Валентина Ревуцка

И там - я очень хорошо помню - ходили дети. Я думаю, что они были, возможно, и сельского, а может и городского происхождения. Они ходили, просили, и пели. Я помню эту песенку. И в этой песенке пелось: «Ой умру я, умру я! Похоронят меня. И никто не узнает, где могила моя. И никто не придёт, и никто не припомнит. Только ранней весной, соловей запоёт». Они ходили между людьми и просили...

Мама продавала всё, что можно было продать, чтобы выжить. Конечно, всё относили - всё ценное - относили в «Торгсин», где, как известно, всё это взвешивали, и давали как можно меньшую цену. Позднее, за эти купоны, которые получала мама, она могла достать продукты, и она, значит, приносила...

Припоминается мне также такой случай. Когда уже не было что нести, потому что все ценности мама уже отдала, одним утром, её долго не было дома. И припоминаю, что она пришла где-то около полудня. У неё была опухшая щека, и там, где когда-то у неё был золотой мост зубов, была просто впадина. И тогда она принесла узелок, насколько я помню, с гречневой крупой. Никогда не забуду этот момент - как и многие другие.

Когда я шла в школу – думаю, что это было ранней весной 1933-го года – на дворе – это был ещё, по-моему, или конец февраля, или начало марта - было очень красивое, солнечное такое, утро. И мы, дети, группой шли посреди дороги; потом подошли к школе. И, обычно, дети шумят и быстро идут. А этим утром они шли очень медленно, когда подходили к воротам школы. И когда я подошла ближе, то поняла почему. Возле ворот сидели двое сельских детей. Мальчик, может, лет семи, девочка – может четырёх. Вони сидели прижавшись друг к другу. Ночью ещё падал снег – немножко – и их снегом припорошило. Они не двигались. У девочки была протянута ручка, и снег также лежал на ручке. И он не таял. То есть они уже были мёртвые. Это на нас, детей - особенно на меня – произвело страшное впечатление. Но это впечатление - что вы проходите мимо мёртвых детей, и что вы сами ещё ребёнок – это было необычайно тяжело, потому что вы себя также представляли уже мёртвым. Когда мы вышли из школы, этих детей уже не было. Только осталось такое место, сухое.